

(Для понимания. В китайском языке звук «та» обозначает он/она. Пишутся символы по разному Поэтому в реальном диалоге не понятно, кто перед тобой парень или девушка. Хотя по написанию в книге все ясно и понятно. В конце концов главную героиню считают «сяо ланцзюнь» (молодой парень). И как я понял Вэньсинь и Удань, якобы, могут быть у парня, так по крайней мере считают.)

— Перестань притворяться мертвой, вставай!

Шэнь Тан чувствовала, как кто-то пнул ее ногой.

Пнуть было недостаточно, противник еще и ругался.

«Черт возьми, кто меня пинает?»

Она болезненно сжала ногу, открывая слабые глаза.

Мир перед ней словно лишился покровной вуали, перейдя от матового к кристально-чистому.

«Что произошло?»

Режущая боль заставила ее вздрогнуть, она ошеломленно смотрела на незнакомое окружение.

«Вчера вроде пила с кем-то?»

Помнится, под конец вечера редактор позвонил, чтобы напомнить о сроках сдачи рукописи, и она, преодолевая опьянение, взяла кисть...

Дальше — пустота.

Одно было ясно: она точно не должна была оказаться здесь!

Шэнь Тан крепко ущипнула себя, пока не почувствовала острую боль, разрушившую ее надежду.

Увидев свои чужие руки, она тут же прошептала:

— Я попала в другой мир!

А вместе с этим и осознание того, что такое «попасть в другой мир».

«Только вот, не знаю, отравилась ли я спиртным или скончалась от переутомления».

Чем больше она думала, тем сильнее болела голова, словно в ней молотком молотил гном, от чего Шэнь Тан поспешно остановила мысли.

— Быстрее ешь, поел — и на тот свет.

Она прижимала руку к голове, пытаясь унять боль, когда солнечный свет загородила высокая фигура.

Человек был обутый в грязные соломенные сандалии, он швырнул ей лепешку, размером с ладонь, поверхность которой была покрыта черным налетом. Лепешка упала на землю, рядом с ее юбкой. Не обращая внимания на то, что лепешка испачкалась в грязи, он продолжил раздавать еду.

В следующую секунду к лепешке стремительно протянулась рука.

Схватила ее и спрятала.

Шэнь Тан немного замешкалась и недоверчиво посмотрела на руку.

Лепешку забрала женщина с растрепанными волосами, она сжимала ее двумя руками и жадно пихала в рот, как будто не ела три дня.

Боясь, что Шэнь Тан отберет у нее лепешку, она даже не стряхнула с нее грязь, а через несколько секунд проглотила весь кусок, после чего, с нескрываемым удовольствием, облизала пальцы.

Шэнь Тан: «...»

Неизвестно, сколько дней эта женщина не мылась, ее черные волосы, которые должны были быть гладкими и блестящими, были жирными и спутанными, а на проборе виднелся желтовато-липкий налет. Если принюхаться, можно было уловить странный запах, исходящий от нее — смесь затхлых носков, пролежавших три-четыре недели, и раздавленной в кашу цветущей скумпии. Единственное, что можно было выделить в ее облике, — это черты лица, которые даже грязь не могла скрыть.

Шэнь Тан попыталась поговорить с ней по-хорошему:

— Госпожа, это моя лепешка.

Но женщина, словно оглохла, не обратила на нее внимания, продолжая смаковать вкус лепешки.

Шэнь Тан заметила, что пальцы, которыми женщина облизала лепешку, были другого цвета, чем остальная часть руки. Ее горло непроизвольно дернулось.

У нее не было боязни грязи, но такая визуальная атака вблизи вызывала непроизвольное отвращение.

Заметив, что у Шэнь Тан изменился цвет лица, женщина испугалась, что эта дурочка может взбеситься и ударить ее, и отползла назад.

Как только она сдвинулась, Шэнь Тан почувствовала натяжение.

Она опустила взгляд на источник натяжения — это была толстая веревка, которой, словно кузнечиков, связали ее тело с женщиной и другими растрепанными женщинами разного возраста.

Подняв взгляд, она огляделась по сторонам. Глаз ее падали на людей в грубой льняной одежде, уставших, старых и молодых, мужчин и женщин.

Среди них было около десяти крепких мужчин в одинаковой одежде, с мечами на поясах, они охраняли заключенных: кто-то стоял на посту, кто-то наблюдал за заключенными.

Иногда их взгляд задерживался на молодых заключенных с привлекательной внешностью.

Что это?

Это большая семья, которую ведут на казнь, чтобы стереть ее из семейных книг?

Или их ведут в ссылку?

Разница лишь в том, умрут они быстро или медленно.

— Гр-р-р.

Ее голодный желудок начал некстати урчать, звук был настолько громким, что его слышали даже другие заключенные.

Шэнь Тан прикрыла рукой слегка сводящий с ума живот, голод заставлял ее обильно слюноотделять.

Чем больше она глотала слюну, тем сильнее становился голод, он был настолько сильным, что его невозможно было игнорировать.

Шэнь Тан нахмурилась, ей пришлось отвлечься, чтобы забыть о голоде. В поле ее зрения попал заключенный, который слишком быстро ел, а лепешка была сухой, и он подавился. Он бился кулаками по груди, пытаясь проглотить застрявший кусок, его лицо посинело.

Никто не обратил на это внимания.

Никто не подошел, чтобы похлопать его по спине, никто не дал воды.

Он изо всех сил пытался поползти до человека в одежде стражника, вытянул руку, умоляя о помощи, но когда он задохнулся, его рука безвольно упала, и стражник не сдвинулся с места. Он пнул мужчину дважды, убедившись, что тот действительно умер, и пробормотал:

— Несчастье!

Он вытащил нож, который носил на поясе, и, нагнувшись, срезал кусок кожи с правого уха мужчины. Он бросил его в грязный мешок.

Шэнь Тан: «...»

— В путь!

— Живей!

— Вставай, не заставляй меня бить тебя плетью!

Заключенным снова надели тяжелые кандалы.

Кандалы у женщин были маленькими, весом около тридцати пяти цзинь, а у мужчин — большие, весом не менее пятидесяти, а может, и восемьдесят цзинь.

Десять человек в одинаковой одежде торопили заключенных, пиная и ударяя тех, кто не успевал. Если удары не действовали, то они били плетью. Сила ударов была такой, что от них оставались кровоточащие полосы шириной в палец, зрелище было пугающим.

Шэнь Тан молча шла, пытаясь найти какие-нибудь воспоминания этого тела.

К сожалению, ничего не получилось.

Она не получила никакой компенсации от «системы», не помнила ничего из жизни своей «хозяйки», к тому же ее ограбили — кроме того, что ее зовут Шэнь Тан, у нее есть псевдоним «Юйли», она зарабатывает на жизнь рисованием и боится сроков сдачи рукописей, все остальные воспоминания были размытыми!

Она украдкой взглянула на заключенных и стражников, и с горечью подумала:

— Черт, это же чистый ад!

Ей просто не везло!

Каким бы ни был старт, самое главное — выжить.

Сбежать по дороге?

Или идти с караваном до места назначения, а потом попытаться сбежать?

Пока что оба варианта выглядели не очень оптимистично.

Под палящим солнцем они шли, по дороге несколько заключенных потеряли сознание. Лишь когда на горизонте заалела вечерняя заря, им разрешили остановиться на ночлег.

Стражники собрались, развели костер, достали из сумок вяленое мясо и положили его в глиняные горшки, добавили немного соли, и получился суп.

На этот раз Шэнь Тан среагировала быстро и спасла лепешку.

Она села на землю, медленно пережевывая твердую, холодную лепешку, размягчая ее слюной, и внимательно слушала разговор стражников. Несмотря на то, что их разговоры были скудными, из них все же можно было собрать некоторые сведения.

Все заключенные были из одной семьи.

Фамилия — Гун, в плену оказались все, от стариков до младенцев, даже слуги и служанки.

Их разделили на три группы, и они везли их поэтапно к месту назначения.

Мужчин отправляли на границу, где они должны были работать каторжниками, а женщин — в

город Сяочэн, в бордель.

Шэнь Тан находилась во второй группе, в основном женщины из дома Гун, служанки и их дети, а также старейший глава семьи, несколько молодых госпож, красивых наложниц, а также служанки, которые за ними ухаживали.

Она предположила, что эта «хозяйка» была либо служанкой, либо дочерью.

Она проверила ее кости, ей было около одиннадцати-двенадцати лет.

Мужчин клеймили, а женщин — чернилами.

Если заключенный умирал в пути, то с него срезали кожу с клеймом или ухо и использовали их в качестве доказательства.

Она провела рукой по уху и нащупала засохшую кровь за левым ухом.

Шэнь Тан:

— ...Черт!

<http://tl.rulate.ru/book/109723/4094735>